

А.А. Романов, Н.А. Белоус

*Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь
Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск*

A.A. Romanov, N.A. Belous

*Tver State Agricultural Academy, Tver
Ulyanovsk State University, Ulyanovsk*

МАКРОСТРУКТУРА ДИСКУРСА. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАНТОВ

MACRO STRUCTURE OF DISCOURSE. INSTITUTIONAL AND LINGVOCULTURAL FEATURES OF COMMUNICATORS

1. Аспекты речевого общения

Речевое общение представляет собой сложный процесс, в изучении которого можно выделить **разные аспекты**:

- **собственно лингвистический** (анализ тех языковых средств — фонетических, интонационных, лексических, грамматических, которые используются в коммуникации),
- **коммуникативный** (анализ коммуникативной ситуации, регулятивной деятельности коммуникантов, их коммуникативных интенций, индивидуальных особенностей речевого поведения в дискурсе и т.п.)
- **когнитивный** (анализ языковой картины мира языковой личности в дискурсе, когнитивных знаний и когнитивного опыта, установки говорящего и слушающего относительно друг друга в дискурсе и т.п.),
- **лингвокультурный** (анализ межкультурных и собственнокультурных особенностей говорящего и слушающего в дискурсе, функционально-семантических особенностей ключевых слов, прецедентных высказываний, языковых стереотипов)
- **социальный** (анализ статусных и ролевых различий между говорящим и слушающим в дискурсе, общественных речевых стандартов и требований, социальных различий между говорящими в их отношении к собственным и чужим моделям речевого поведения и т.п.).

2. Язык vs социум

«Язык вообще есть естественно (на определённой стадии развития человеческого общества) возникающая и закономерно развивающаяся семиотическая (знаковая) система, обладающая свойством социальной предназначенности, — это система, существующая прежде всего не для отдельного индивида, а для определённого социума» (Ярцева, 1990), для реализации речевого поведения в процессе социальной интеракции.

Каждый участник коммуникации обладает собственной системой концептуальных знаний в силу принадлежности к определённой социальной культуре. В мире всякого дискурса действуют свои правила истинности, свой этикет. Это — "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из "возможных миров". Само явление дискурса, его возможность, и есть доказательство тезиса "Язык — дом духа" и, в известной мере, тезиса "Язык — дом бытия" (Степанов, 1995: 35-73). *Указанное бытие поддерживается коммуникацией в рамках различных институтов.*

Понятия **языковой способности и коммуникации** неразрывно связаны между собой лишь при содержательном понимании коммуникации, когда два индивида, связанные между собой многообразными социальными связями, вступают в диалогические отношения, используя один и тот же канал. ***Коммуникативные потребности являются не менее, а зачастую — и более важными, чем обеспечение человеческого организма питанием.*** Говорящие индивиды идентифицируют себя как члены человеческого сообщества благодаря удовлетворению разнообразных потребностей, порождаемых совместной жизнью. Социальные связи при всем их нынешнем многообразии являются результатом длительного периода совместного проживания людей в коллективах, именуемых социальными институтами.

3. Институционализация и сферы проявления дискурса

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫЙ — «элемент социальной структуры общества, понимаемой в самом широком смысле слова; исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной жизнедеятельности людей» (Краткий словарь по социологии, 2001: 272) или «*установленный порядок правил и стандартизированных моделей поведения*» (Большой толковый социологический словарь, 1999: 233). К числу социальных институтов относят совокупность учреждений, соответствующую социальной структуре общества в широком смысле; совокупность социальных норм и культурных образцов, предопределяющих устойчивые формы социального поведения и действия; систему поведения и соответствия с этими нормами.

Социальный институт относится к образованиям, охватывающим большие массы людей, чье поведение управляется нормами и ролями. В функционалистской теории понятие связано с условиями функциональных предпосылок или функциональных императивов. Малиновский перечисляет семь социальных институтов, в которых соединяются биологические и социально-психологические потребности. Э.Гоффман применяет термин тотальное учреждение для обозначения бюрократически организованных институтов, члены которых имеют мало возможностей избегать норм и ролей административной структуры. Институционализация касается процесса, посредством которого разрабатываются и реализуются предназначенные для различных социальных установок нормы и роли.

Главным основанием классификации социальных институтов выступают сферы общественной жизни, виды общественных отношений. В связи с этим выделяют: а) экономические социальные институты — разделение труда, собственность, обмен, деньги, банки, разного рода хозяйственные объединения и т.д.; б) политические социальные институты — государство, партии, общественные организации и объединения, армия, суд и т.д.; в) институты родства, брака и семьи; г) социальные институты в духовной сфере — моральные нормы, массовая коммуникация, общественное мнение и т.д.; д) социальные институты в сфере культуры. Выделяют также религиозные социальные институты. Различают **формальные и неформальные** социальные институты

Социальные институты (государство, семья, образование, культура и т.д.) выполняют функции регулятора поведения людей в различных сферах общественной жизни, в том числе в социальной области.

*При выявлении институциональной сферы проявления дискурса выделяют коммуникативные пары, общение которых должно осуществляться согласно нормам и стандартам общения внутри одного из следующих пяти базовых социальных институтов: институт семьи и брака (муж-жена, отец-сын/дочь, мать-дочь/сын); институт государства (офицер-солдат, начальник-подчиненный); экономические институты (продавец-покупатель, таксист-пассажир, пассажир-пассажир, менеджер-клиент); институт образования (учитель-ученик, преподаватель-студент); институт религии (проповедник/прихожанин); специфический институт тотальный (термин Э. Гоффмана) — характеризующийся: социальной ограниченностью контактов с остальным обществом; жестко контролируемым распорядком жизни (госпиталь, тюрьма, военный лагерь, монастырь), где так же выделяются пары (главарь банды — «шестерки», мафиози — мафиози, настоятель — послушник). При выделении внутри каждого из институтов типичных коммуникативных пар учитывают, что каждый из членов пары выполняет определенную социальную роль, которая «отражает интеракционные условия между субъектом коммуникативного действия и его объектом». (Романов, 1988: 29). Обнаружены некоторые закономерности, которые отражены в Таблице 4. **Социальный институт vs характерные фреймы (Глава 5, стр. iv-v приложения).***

4. Типы коммуникативно-социальных отношений: статус и роль

Существует три типа коммуникативно-социальных отношений в рамках любых из упомянутых институтов: равноположенность субъектов ($K1=K2$), подчинение ($K1<K2$), доминанта ($K1>K2$), которые определяют статус каждого из коммуникантов. Например, в институте семьи статусы социальных ролей отца и ребенка не позволяют ребенку своими речевыми действиями диктовать свои условия ведения диалога, поскольку его статус определяется как «всецелая зависимость». В институте армии

статусы офицера и солдата соотносятся как офицер>солдат, поэтому офицер ощущает свое право открыто конфликтовать, в то время как солдат чувствует себя зависимым.

Институциональные характеристики коммуникантов порождены обществом и могут исчезнуть только вместе с ним. Именно развитые коммуникативные способности помогают человеческому индивиду создать прочный фундамент своему социальному статусу: как правило, силы, затраченные на благоприобретение статуса, и силы, прилагаемые для его защиты, по мощности равны. Контекст ситуации и **ролевые характеристики** его участников являются строительным материалом институциональности. По меньшей мере, наивен тот коммуникант, который в процессе отстаивания своих коммуникативных целей рассчитывает на успех посредством даже незначительных посягательств на социальный статус адресанта. Риторические премудрости институционального характера давно зафиксированы паремиологическими единицами: «Всяк сверчок знай свой шесток» и т.п. в защиту институциональности, и против нее — «Не всяк казак, что шапка набекрень» и т.п.

Но, как правило, всякая «кошка» в любом контексте ситуации «знает, чье мясо ест», и уповать на принципы демократии при нарушении правил «почтения» неравноположенных (а именно вышестоящих по определению иерархической лестницы) коммуникантов в дискурсе неизбежно приводит к конфликтам. Выделяя внутри каждого из социальных институтов типичные коммуникативные пары, необходимо учитывать, что каждый из членов пары выполняет определенную социальную роль, которая «отражает интеракционные условия между субъектом коммуникативного действия и его объектом» (Романов, 1988: 29).

Социальная роль

Полагают (Романов, 2004), что любую активность и любую социальную позицию можно связать с понятием «роль», которая трактуется достаточно широко и частично включает в себя понятия «статус», «имидж», «титул», «профессиональное обозначение». Такая широкая трактовка понятия «роль» затмевает символы (знаки) статусности и имиджа личности, которая исполняет в социальной действительности ту или иную роль.

И если статусность или **статус** человека можно определить примерно как обязанности и права, которыми обладает человек в обществе, в конкретном коллективе, то ролевое проявление как презентация общественной позиции личности, основанная на оценке его собственной личности, практически не осуществимо без формирования собственного имиджа.

Действительно, **статусом** обладает любой человек. Даже, например, простой механик имеет свой собственный статус, точно также как и президент компании или министр. А **символы статуса** выступают в качестве знаков обязанностей и прав их общественных позиций. Например, для милиционера символом статуса является его форменная одежда, а для врача — белый халат. Точно также специальные знаки на дипломатических

автомобилях, колпак шеф — повара, повязка дежурного или корона короля выступают символами определенных статусных позиций.

Более того, даже ученые знания и профессиональные титулы (профессор, доктор медицины или философии), а также профессиональные обозначения (водитель, проповедник, губернатор) также могут являться визуальными показателями статуса. Но ни автомобиль марки «Мерседес-Бенц 600», ни значок депутата любого уровня, ни членский билет какого-либо закрытого элитарного клуба не являются истинными символами статуса. Даже собственная шикарная вилла с плавательным бассейном и многочисленной прислугой и охраной или прекрасное дорогое норковое манто не обозначают общественной функции статуса, потому что в большинстве случаев все перечисленное есть ничто иное, как *устоявшиеся сигналы ролей* (Романов, 2004). Ибо они ничего не говорят о правах и обязанностях личности, скорее они являются свидетелями иллюзорного самосознания (самоощущения) этих людей, и поэтому не представлены в системе визуальных координат, на основе которых и возможно строить эгональный дискурс.

Итак, **статус** — это общественная позиция, которую занимает человек, а **роль** — ее динамический аспект, т.е. конкретное проявление позиции в тех или иных условиях, ее деятельностный фактор, например врача или матери с конкретными визуальными знаками и посланиями в виде определенных сигналов. Но динамическое проявление роли и статуса всегда опирается на представление о том, как и на какой основе (т.е. на основе каких знаковых проявлений) окружающий мир оценивает мою личность в этой роли с определенным статусом. Другими словами, роль соответствует (или должен соответствовать, по крайней мере, если речь идет о серьезном социальном положении человека: ср. роль матери, но при этом важна еще и оценка — какая мать — хорошая или плохая?) мое представление о том, как меня, мою личность оценивают другие, и что я означаю в этой роли для них. В зависимости от этой оценки люди строят свое поведение в обществе. Отсюда можно заключить, что каждому ролевому проявлению, основанному на самооценке ее носителя, соответствует результирующее из нее (самооценки) поведение и образ действия человека, которые маркируются определенным образом. Причем, эти маркеры доступны для визуального восприятия со стороны других участников визуальной интеракции.

Безусловно, определенные достижения личности, маркированные той или иной системой знаков, можно оценивать как объективные факты, а можно оценивать ошибочно, т.е. исходя из иллюзорной самооценки, что также может быть объективным фактом. Вот только линия поведения будет неадекватна реальности, а ваш визуальный образ, если не внести коррективы, может пострадать. Другими словами, он просто не будет соответствовать нужному виду поведения. Именно здесь в полной мере и проявляется важность визуального образа, который выступает сигналом и статуса, и роли, и типа поведения. Визуальный образ должен быть таким, чтобы он соответствовал всем перечисленным звеньям названной цепочки.

В настоящее время становится популярной точка зрения (Романов, 2004), что избегая самоиллюзий, самообмана, человек строит свое поведение и визуальный имидж с учетом идеального исполнения социальной роли с конкретным статусом (Я — идол) или же он заблуждается. В последнем случае человек пытается вносить коррективы и в свое поведение, и в свой визуальный облик, что неизбежно будет отражаться на системе его репрезентативных **знаков (сигналов)** в первую очередь, и на поведении, во вторую. В качестве такого рода сигналов могут выступать как определенные речевые выражения, так и артефактные предметы (автомобиль, вилла, одежда, украшения и т.п.), хобби, небольшие или «мелкие» пороки типа курения, быстрой езды и т.п., потому что психологически человек прячется за эти сигналы, стремясь компенсировать свое опасение (страх) за несоответствие своей деятельности имиджу роли и самооценки.

В целом, тип поведения человека в дискурсе не означает ничего иного кроме манеры поведения, которая в некотором смысле преобладает у данного человека с определенным статусом в определенной роли. Поэтому понятие «тип поведения» обозначает постоянно определенную структуру поведения в определенных формах, а не сущность его. Таким образом, один и тот же человек может реализовывать свою роль, статус и визуально сообщать об этом окружающим в определенной совокупности типовых вариантов поведения, в зависимости от ролевой программы идола или защиты. Но такая вариативность должна коррелировать и с вариативностью системы визуальных сигналов: в этом случае визуальный образ варьируется в зависимости от типа поведения, соотносимого с целевой программой реализации роли и статуса.

Как было отмечено, существует **три типа коммуникативно-социальных** отношений в рамках любых из упомянутых институтов: равноположенность субъектов ($P1=P2$), подчинение ($P1<P2$), доминанта ($P1>P2$), которые определяют статус каждого из коммуникантов. Статус внутри коммуникативной пары предполагает право или отсутствие права на определенные речевые поступки в ситуации общения.

Пример. (Ларина, 2006: 128) Пресуппозиционная база: P1 — Инна Федоровна, дама средних лет; P2 — Юлька, молодая беременная особа; P3 — Вадим, деловой партнер P1 и жених подруги P2. Ресторан, полдень, P2 нарушает мирное течение деловых переговоров в неформальной обстановке, посетители ресторана исполняют роль сторонних наблюдателей и являются влиятельной составляющей ситуационной пресуппозиции. Условные обозначения, принятые для анализа речевых шагов (они обозначены арабскими цифрами в круглых скобках, буквы указывают на наличие «закрытия» означенного речевого шага, содержание которого выделено курсивом) коммуникантов (P1, P2, P3) конфликтного дискурса: жирный шрифт — маркеры конфликтного дискурса (далее КД); (ИД) — иллокутивная доминанта КД.

K1: *Очень приятно, Инна Федоровна.*(1) — Она широко улыбнулась и протянула Юльке ухоженную наманикюренную руку.

К2: *Поцеловать?* — ехидно спросила Юлька. — *Пусть кавалер лобызнет, а я пас!*(1а)

К3: *Юля, ты спятила? Как ты себя ведешь? Опять твои штучки?*(1б) — Вадим виновато посмотрел на Инну.

К1: *Деточка, вы нас неправильно поняли!* (2) — Инна Федоровна почему-то суетилась и нервничала. По ее шее неопрытными кляксами поползли малиновые пятна. Вадим растерялся. — *У нас просто деловое свидание.*(2)(ИД)

К2: *Да что вы говорите!* (2а)(ИД) — язвительно и очень ненатурально заржала Юлька, вспомнив, как тетка возила по столу пышным бюстом и строила глазки. На них стали оборачиваться.

К1: *Давайте поговорим спокойно.* (3) *У меня свой муж есть! Что вы себе возомнили. Это же глупо: так ревновать мужчину. Вы еще слишком молоды, не унижайте себя подозрениями. Я очень вас понимаю, но даже не знаю, как доказать, что между мной и Вадиком ничего не было.* (Обращаясь к Р3) *Ну что ты молчишь? Скажи ей, что мы еще не спали!*

В данном примере репрезентируется два из трех типов коммуникативно-социальных отношений в рамках любых из упомянутых институтов: а именно, подчинение ($P1 < P2$), доминанта ($P1 > P2$) и ($P1 = P3$), которые определяют статус каждого из коммуникантов. Статус внутри коммуникативной пары ($P1, P2$) предполагает право $P1$ и отсутствие права $P2$ на определенные речевые поступки в ситуации общения: $P1$ открывает речевые шаги и доминирует, заставляя своими речевыми провокациями (1а, 2а) $P2$ защищаться, но последний из упомянутых коммуникантов имеет свои коммуникативные интенции, которые вступают в противоречие с коммуникативной целью $P1$, сталкиваются две доминанты⁴ и зачинщик конфликта побеждает только благодаря институциональным особенностям реализации дискурса конфликтного характера: «На них ($P1, P2, P3$) стали оборачиваться» посетители ресторана, и уже социальный статус диктовал правила ведения коммуникации: речевой шаг (3).

Наблюдение за речевым поведением показывает, что человек говорящий — единственное существо в мире живого, которое способно и означивать, и сообщать в полном смысле обоих этих слов, то есть он может пользоваться знаками, строя из них внутренне связанные структуры, число которых постоянно растет; благодаря этой способности он отправляет и понимает сообщения, предполагающие наличие чрезвычайно сложных социальных связей, отношений взаимодействия в дискурсе. С помощью своих высказываний человек может разжигать или гасить конфликты в процессе коммуникации: что-то утверждая, о чем-то спрашивая, отдавая приказы, излагая положение дел и проч. И все это потому, что человеческие языки — единственные системы, одновременно наделенные двумя свойствами, выступающими в их единстве.

С другой стороны, потребность в обязательности использования проверенных коллективной практикой приемов и речевой деятельности

вызывается элементарной потребностью свести к минимуму вариантность коммуникативных неудач.

5. Конструирование социальной реальности в дискурсе

При конструировании социальной реальности, в пределах институтов Джон Р. Серль выделил три элемента: **начальное создание институционального факта, продолжение существования и его формальные (обычно лингвистические) репрезентации в форме индикаторов статуса.** Так как институциональные факты в процессе коммуникации эксплицируются только в соответствии с человеческим соглашением. Во многих случаях, они требуют официальной репрезентации, которая и является индикатором статуса. Речевые действия самораспознаваемы для тех, кто владеет языком, с чьей помощью и осуществляются речевые шаги.

Индикатором статуса в интеракции являются маркеры, указывающие как на социальный статус реципиента, так и на его неравноположенное положение в дискурсе. Стилиевые особенности речи, указывающие на ту или иную ступень в иерархической лестнице, занимаемую участником коммуникации, могут играть роль пускового механизма в конфликтном дискурсе. Например, обращение профессора в вечернее время на остановке близ университета к незнакомому студенту по поводу его неадекватного вербального поведения в форме: *"не могли бы вы, батенька, убавить децибелы и употреблять нормированную лексику?"* не приводит к выполнению просьбы, провоцирует протест в грубой форме и активизацию ненормированной лексики, т.к. уже сама стилиевая формулировка просьбы указывает на необходимость соблюдения институциональных правил. И странным, на первый взгляд, кажется положительный результат все той же просьбы, но со стороны сотоварища из той же компании (но следующего нормам институциональности в силу личного знакомства с упомянутым профессором): *«Гош, просто заткнись!»* Здесь мы имеем дело с равноположенными реципиентами, в равной степени знакомыми со стилиевыми нормами своей ступени в институте «студенчество». Однако, на начальной стадии конфликта статусный индикатор оказывает влияние на коммуникативно-социальные отношения в рамках любых из социальных институтов — равноположенность субъектов ($P1=P2$), подчинение ($P1 \neq P2$), доминанта ($P1 \neq P2$) — которые определяют статус каждого из коммуникантов. В рамках стадии «разгоревшегося» КД статусный индикатор может нарушить порядок коммуникативно-социальных отношений и подчиняющийся $P1$ будет стремиться поменять и свою роль, отстаивая свои коммуникативные цели. Однако на стадии завершения конфликта отношения всегда возвращаются в исходную позицию: например, подчиненному, решившему сторговать себе новую привилегию, указывая начальнику на возможно нанесенные обиды (соответственно этого реципиента нельзя считать коммуникативно-компетентным) придется писать

заявление об увольнении (утешением может служить только псевдоощущение надситуативной свободы), что является результатом игнорирования норм институциональности.

В дискурсе институциональные характеристики означаются различными вариантами сочетаемости и взаимовлияния социального статуса и коммуникативно-социальных отношений.

Но, хотя язык и «есть как бы внешнее проявление духа народа» (В. Гумбольдт), он не есть единственное проявление духа личности говорящей и стремящейся удовлетворить свои коммуникативные амбиции, и не может отразить все его особенности в полной мере. Как известно, язык вербализует картины мира, хранит и передает из поколения в поколение в материальной форме. Потенциально он способен описать все, что есть в культурной картине мира, хотя и не всё фиксирует. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира различных говорящих индивидов, обладающих различными психотипами. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, образует некую единую систему взглядов или предписаний и навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Но смысловые компоненты, входящие в значения слов и выражений в форме непосредственных утверждений не входят в общий фонд представлений, который формирует языковую картину мира.

Это означает, что даже если и существует два индивида с идентичной языковой картиной мира, внутренняя, смысловая, концептуальная сторона этой картины мира будет различной. Это еще раз показывает, что даже если в картинах мира есть общие точки соприкосновения, они все равно носят индивидуальный, уникальный характер. Владея языком, человек с помощью него концептуализирует мир. Но не достаточно узнать словарные значения употребляемых коммуникантом слов, недостаточно знать коннотации различных слов.

Практика показывает, что для человеческого общества «жизненно необходимо закрепить некоторые типы социальных отношений» (Комаров, 1994: 194), сделать их обязательными для членов определенного общества или определенной социальной группы. Практика закрепления отношений заключается в создании «жестко закрепленной системы ролей и статусов» (Белл, 1980: 115), предписывающих индивидам правила поведения в социальных отношениях, а также в определении «системы санкций» (Гаузенблас, 1987: 298) для того, чтобы добиться неукоснительного выполнения этих правил поведения.

Системы ролей, статусов и санкций создаются в виде социальных институтов, которые являются наиболее сложными и важными для общества видами социальных связей (Комаров, 1994: 194).

Институализация деятельности и общественных отношений предполагает их известную стандартизацию и, закрепление в определенных формах, «в том числе и языковых» (Дризе, 1980: 51). Речевое поведение людей в социально ориентированном обществе имеет ряд особенностей. В

социальном взаимодействии «речь направлена на организацию совместной деятельности людей» (Дризе, 1984: 60). Эта особенность предопределяет значительно более строгую регламентацию речевого поведения, а соблюдение «норм речевого поведения в сфере социально-ориентированного общения сопровождается значительно более строгим контролем» (Пеньков, 1972: 87).

В каждом языке имеется «лексика, обозначающая межличностные и институциональные отношения между людьми» (Беликов, 2001: 164).

6. Институциональные особенности говорящего и слушающего в дискурсе: конститuentы коммуникативно-социального поля и их характеристика

Институциональные отношения между людьми вербализуются в дискурсах, которые представляют собой речевое взаимодействие: обмен репликовыми шагами. Являясь продуктом речевого и — шире — коммуникативного акта, диалогический репликовый шаг как речевое произведение (высказывание, текст) объединяет следующие основные компоненты такого акта: партнеров (коммуникантов, как говорящего, так и адресата), референт (фрагмент мира вещей или мира образов). Выделенные компоненты объединяются в акте речевой интеракции на основе направленности коммуникативного действия, образуя тем самым единую динамическую систему — коммуникативно-социальное поле (термин из: Сусов, 1979: 95) или гиперконфигурацию, своего рода коммуникативный фрейм: $K(G, S, T, L, R)$, где K обозначает четырехместный предикат с присущими ему отношениями типа «коммуницировать (говорить с определенной целью кому-либо о чем-либо)», G и S являются участниками интерактивного акта (говорящий и слушающий соответственно). T символизирует текстовое содержание направленного репликового шага с целевой функцией, базирующееся на соответствующем референте. L характеризует место, а R указывает на отношения участников по взаимодействию в момент (т.е. в определенный промежуток времени) обмена репликовыми шагами. Перечисленные компоненты свойственны любому акту диалогического взаимодействия. (Романов, 1988: 29-30)

Компоненты указанного коммуникативного фрейма могут характеризоваться по различным параметрам, в зависимости от **условий** социального взаимодействия между партнерами. Так, например, целевая направленность репликового шага обычно сопряжена с какой-либо из следующих форм коммуникативно-социального взаимодействия: личной, общественной, институциональной (официальной) и неофициальной. Отношения между партнерами также определяются их принадлежностью к социально-ролевому статусу (т.е. их принадлежностью к той или иной социальной группе, полу, если это релевантно в определенной ситуации, возрасту и т.п.), который охватывает коммуникативные позиции участников

акта взаимодействия, направленные на выполнение какой-либо социальной роли.

Отношения между участниками по статусу охватывают, главным образом, социальную сферу диалогического взаимодействия, где социальная роль отражает интеракциональные условия между субъектом коммуникативного действия и его объектом. Условия социального взаимодействия между партнерами базируются на трех типах отношений, которые реализуются в **фамильярном, непринужденном, нейтральном и возвышенном коммуникативных или речевых регистрах** (о классификации таких регистров см. подробнее: Бархударов, 1975: 111; Веденькова, 1981: 5).

Коммуникативная роль как некая стандартизованная (инвариантная) единица поведения, локализуемая в общей системе деятельности (и регулятивной в том числе), связана с соответствующими нормативными ожиданиями (или экспектациями), которые могут проявляться у партнеров в той или иной ситуации общения, в той или иной социальной обстановке. Действия, соответствующие таким ожиданиям и прогнозируемые в соответствии с этими ожиданиями, считаются **нормативными действиями** и могут осуществляться в системе определенных норм и правил, которые признают участники акта взаимодействия как члены социального коллектива. Ориентация на нормативное поведение партнеров в соответствующих ситуациях оказывает влияние на сам процесс взаимодействия в дискурсе и на координирование действий самих участников этого процесса.

Социально-ролевой статус партнеров опирается на **определенный круг прав и обязанностей самих участников, на их осведомленность** об этих правах и обязанностях. Социальные ситуации, социально-ролевой статус партнеров образует экстратекстуальные, иногда именуемые как **прагматические факторы**, которые становятся составной частью фреймовой организации диалогического взаимодействия в целом и конкретного акта обмена репликовыми шагами в частности и требуют своего учета при планировании (или осуществлении) той или иной формы воздействия партнеров друг на друга. Названные факторы или параметры фрейма диалогического взаимодействия нередко именуется **«статическими» конституентами** (ср.: Перцова, 1977: 53; Шенк, Абельсон, 1976: 209; Ыйм, 1980: 80-81; Богин, 1987: 24).

7. Статические конституенты диалогического взаимодействия

К разряду статических конституентов диалогического взаимодействия можно отнести находящиеся в зависимости от социально-ролевого статуса **параметры контроля** (вернее, права контроля, предписанного коммуникативной ролью во фрейме) за речевым взаимодействием на протяжении всего интерактивного процесса или же в отводимые целевым критерием темпоральные периоды — кто осуществляет такой контроль, чьи действия всегда рассматриваются как иницирующие, кто задает

направленность ответного (реактивного) действия-шага, в чью пользу совершается такое действие на конкретном этапе, т.е. кому из партнеров выгоден данный репликовый шаг и связанный с ним в конечном итоге результирующий эффект (Романов, 1988). Характерно то, что направленность контроля за речевым взаимодействием **может коррелировать с целевой направленностью обмена речевыми действиями**. Так, например, если речевое взаимодействие контролируется инициатором таким образом, что ответные шаги адресата направлены только в его пользу, то речевое общение может принимать типовые интерактивные формы побуждения, в частности либо приказа (инструкции, распоряжения, указания), либо просьбы.

Пример. (х/ф «Overboard»)

Madam: What is this gelatinous muck?! Andrew, when I tell you to pack staples, must I specify that you are to pack good caviar and not this fish bait!

Andrew, madam's butler: Yes, madam.

Madam: Caviar should be round and hard and of adequate size. And it should burst in your mouth at precisely the right moment.

Andrew, madam's butler: Yes, madam.

Madam: Carpenter!

Dean Proffitt: Yeah?

Madam: You have exactly 14 hours. I suggest you get started. (*to butler*)
Throw that out.

Andrew, madam's butler: Yes, madam.

Madam: (*to butler*) Watch him.

Заметим также, что отношения между партнерами, обусловленные социально-ролевым статусом, **маркируются** определенными языковыми средствами, сигнализируя собеседнику о статусном положении своего напарника. Больше того, выбор языковых средств в конкретном типе взаимодействия при осуществлении одного и того же коммуникативного намерения (интенции) находится в определенной зависимости от отношений между партнерами и от их социально-ролевого статуса (ср.: Крысин, 1976: 45-46).

Пример. (Экзюпери, 1987: 397)

Он не знал, что все короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди — подданные.

-ПОДОЙДИ, я хочу тебя рассмотреть, — сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем.

-Маленький принц оглянулся — нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горностаева мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... И вдруг он зевнул.

-ЭТИКЕТ НЕ РАЗРЕШАЕТ зевать в присутствии монарха, — сказал король. — Я ЗАПРЕЩАЮ тебе зевать.

-Я нечаянно, — ответил Маленький принц, очень смущенный. — Я долго был в пути и совсем не спал...

-Ну, тогда Я ПОВЕЛЕВАЮ тебе зевать, — сказал король. — Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. ИТАК, ЗЕВАЙ! Таков мой приказ.

8. Социальный аспект речевого общения: речевое общение в социально неоднородной среде

При исследовании речевого общения часто неявно предполагается, что человеческая среда, в которой происходит общение, однородна в социальном отношении. Между тем весьма обычны ситуации, когда коммуникация осуществляется представителями разных социальных слоев и групп.

Для успеха коммуникации необходимо **своеобразное взаимное приспособление** участников коммуникативной ситуации. Такое приспособление может касаться: 1) набора языковых средств; 2) правил их использования в данной ситуации; 3) тактик речевого общения; 4) при контактном общении — ее невербальных компонентов (жестов, мимики, телодвижений и т.п.). Для всех четырех типов коммуникативного приспособления имеет значение различие коммуникантов по признакам **"свой / чужой"** и **"выше / ниже"** (в некоторой социальной или возрастной иерархии). Дадим **краткую характеристику разных сторон речевого общения.**

1. **При общении со "своим"**, т.е. человеком из той же социальной среды и при этом знакомым говорящему, последний более или менее свободен в выборе языковых средств; **при общении с "чужим"** происходит селекция языковых средств — путем переключения на стилистически более официальный регистр, самоограничений языкового репертуара (например, рабочий, общаясь с врачом или с судьей, избегает ненормативной лексики, которая обычна для его речевого поведения в общении со "своими"), а также в виде редукции сугубо индивидуальных речевых черт (слова и выражения, которые человек любит употреблять в общении с "домашними", едва ли уместны в разговорах с официальными лицами).

Подобная селекция наблюдается и при общении взрослого и ребенка, начальника и подчиненного, командира и солдата, мужа и жены и т.п.

Пример. (Мариенгоф, 2000: 132)

-Послушайте, Ольга...

-Что?

-Я одним духом слетаю к Елисееву, принесу вина, апельсинов...

-Отвяжитесь от меня, Владимир!

2. Правила использования языковых средств различаются в зависимости от того, происходит ли общение в **привычной** для говорящего социальной среде или в **непривычной**. В первом случае довольно часты отступления от нормативных форм речи (ср. семейные словечки, обороты, присловья, а также речевую специфику других малых социальных групп). При общении в непривычной социальной среде говорящий вынужден с

большой аккуратностью следовать правилам употребления языковых средств, в противном случае его ждет коммуникативная неудача (недоумение, непонимание, отказ от общения) или своеобразные санкции со стороны тех, с кем он вступает в контакт (насмешки, осуждение, возмущение и т.п.).

Пример. (Мариенгоф, 2000: 134)

- Почему же это ты не придешь?

-Позволь, дружище, сказать начистоту: гнусь у тебя и холодина. Рапورتую я зиму насквозь в полуштиблетишках и не зябну, а у тебя дохлые полчаса просидел и пятки обморозил.

-Образно понимать прикажешь ?

-Ты остришь...супруга твоя острит...вещи как-будто оба смешные говорите...все своими словами называете...нутро наружу...и прочее всякое размерзятину наружу...того гляди, голые задницы покажете — а холодина! И грусть, милый. Такая грусть! Вам, может, сие и неприметно, а вот человека, бишь, со свежинки по носу бьет.

Общение в **непривычной среде** часто характеризуется тем, что участники общения владеют разными подсистемами одного национального языка: одни — исключительно или преимущественно литературным языком, другие — диалектом, третьи — просторечием или каким-либо социальным жаргоном и т.д. Речевое общение может происходить с использованием средств каждой из этих подсистем: носитель диалекта использует местный говор, носитель просторечия — просторечные слова и обороты, носитель литературного языка — средства языка литературного.

Однако при общем относительном взаимопонимании — поскольку все употребляемые при коммуникации средства принадлежат одному национальному языку — **возможны коммуникативные провалы**, обусловленные тем, что внешне сходные или тождественные языковые знаки имеют в разных подсистемах неодинаковое содержание: различаются по смыслу, коннотациям, экспрессивно-стилистической окраске, функционально-стилистической принадлежности и т.п.

3. В понятие **тактика речевого общения** входят такие компоненты, как инициатива коммуникативного контакта, установка на общение, "иллокутивное вынуждение" (термин А.Н. Баранова и Г.Е. Крейдлина [Баранов, Крейдлин 1992]). Здесь имеется в виду согласование участниками общения коммуникативных намерений, которые они облачают в форму тех или иных речевых актов — просьбы, требования, сообщения, приглашения, обещания и т.п., — соотношение диалогических и монологических форм речи, паузация (в частности, допустимость / недопустимость, обязательность / необязательность, краткость / протяженность пауз) и др.

Пример.(Урсуляк, 2007: Ликвидация) Коммуниканты: P1 — маршал Жуков; P2 — подполковник Гоцман; вечер; кабинет Жукова; заседание совета г. Одессы; P1>P2.

K1: *Это кто там глаза пучит? Жарко что ли? Ты кто?(1)*

К2: *Начальник отдела угро по борьбе с бандитизмом, подполковник Гоцман. (1а)*

К1: *Как думаешь накрыть авторитетов?(2)(ИД)*

К2: *Никак.(ИД) Нельзя их брать. Только людей разозлим. Будет закон, будет порядок. А так — такой бедлам получим!(2а)*

К1: *Прекратить треп! Как будете брать?(3)*

К2: *Никак. Товарищ маршал, ну те же немцы: и стреляли, и в печках жгли, а шо получили?(3а)*

К1: *Ты что, охренел, подполковник? Ты меня с немцами сравниваешь? (4)*

К2: *Никак нет, товарищ маршал, это ж я так — для примера. (4а)*

К1: *Для примера? Тогда для примера — пошел вон!!!(5) (Гоцман пошел вон из кабинета) (маршал обращается в крике к оставшейся аудитории) Как накрыть авторитетов-воров? Всем думать!(6)*

Различия в тактиках речевого общения могут касаться также способов реализации одних и тех же языковых и параязыковых средств. Например, манера говорить, принятая среди представителей современного русского просторечия, в интеллигентской среде иногда оценивается как агрессивная (повышенная громкость обычной "информационной" беседы, резкость интонаций, обе ручная размашистая жестикуляция, телодвижения, имитирующие те или иные физические процессы, и т.п.), тогда как с точки зрения говорящего — носителя просторечия такая манера общения агрессивной не считается. В интеллигентской среде при передаче чужого мнения или чужих высказываний не принято подражать манере говорения, которая характерна для цитируемого лица; в просторечной среде имитация чужой речи с элементами передразнивания (при отрицательной оценке того, кто имеется в виду, его действий и т.п.) — явление вполне обычное.

4. Невербальные компоненты коммуникативной ситуации — жесты, мимика, телодвижения — более разнообразны и свободны при общении людей среди "своих". В чужой среде, и особенно при общении "снизу вверх", эти компоненты находятся под социальным контролем, который суживает рамки жестовых и мимических реакций, и под самоконтролем участников коммуникации.

Из этой краткой характеристики разных сторон речевого общения видно, что в общем случае взрослый человек владеет некоей совокупностью социализированных, принятых в данном социальном коллективе норм общения, включающих как собственно языковые нормы, так и правила социального взаимодействия. Эти нормы обязательны для людей, живущих в данном языковом сообществе, при их речевом поведении как в социально однородной, так и в социально неоднородной среде (Беликов, 2001).

9. Социально-культурные факторы интеракции

С. Дик считает, что главная цель естественного языка — установление общения между людьми, что это общение протекает в обстоятельствах,

обусловленных физическими, социально-культурными и лингвистическими **факторами** (Dik, 1986: 21). К физическим факторам амстердамский ученый относит специфику номинации, обусловленную приоритетами общества (например, множество слов для обозначения снега у эскимосов), к лингвистическим факторам — переключение языков в многозначной среде, к социокультурным факторам — поддержание контакта между коммуникантами и установление того или иного типа социальных отношений между ними. Социокультурные параметры языкового поведения описываются в терминах а) вежливости и уважения, б) солидарности, в) престижа и порицания. Вежливость и уважение рассматриваются как аспекты социальной дистанции между адресантом и адресатом. Чем формальнее общение и чем больше дистанция между коммуникантами, тем более вероятно, что адресант прибегнет к двум основным приемам этикетизации: а) повышение статуса партнера и понижение собственного статуса и б) выбор косвенных способов оформления речи (косвенные формы обращения, косвенные речевые акты, косвенное упоминание об определенных темах, эвфемизация, косвенное выражение несогласия и т.д.). Речь нижестоящего в статусно-маркированном диалоге характеризуется относительно большей сложностью и длиной. Солидарность трактуется в статье С. Дика как сигнал внутригрупповой идентичности, как противопоставление «нас» «им». Солидарность в таком понимании является фактором языковой дифференциации. Престиж и порицание связаны с определенными языковыми формами, принятыми либо осуждаемыми в определенных референтных группах (Dik, 1986: 21-28). Как видим, социально-культурные факторы общения непосредственно связаны с социальным статусом человека.

10. Принципы нормальной человеческой коммуникации

Одним из направлений лингвопрагматики является изучение постулатов общения, т. е. принципов или правил нормальной человеческой коммуникации. Коммуникативные постулаты или максимы представляют собой правила поведения, касающиеся речи. Они могут быть универсальными и специфическими. Их разработка была вызвана необходимостью обоснования понятия «правильный текст» в диалоге человека и машины. Г.П. Грайс, который ввел коммуникативные постулаты в научный обиход, сформулировал их в виде основного принципа кооперации или сотрудничества и четырех правил, вытекающих из этого принципа: 1) высказывание должно быть достаточно информативным (правило количества), 2) высказывание не должно быть заведомо ложным (правило качества), 3) высказывание должно быть по существу (правило отношения или релевантности), 4) высказывание должно быть ясным, недвусмысленным, кратким и упорно ценным (Grice, 1975: 45-47). Эти правила дополняются и корректируются принципами вежливости, интереса, добродушной шутки. Принцип вежливости включает шесть симметричных

постулатов: 1) постулат такта (причиняй минимум неудобств и оказывай максимум удобств другому), 2) постулат великодушия (оказывай минимум удобств себе и максимум удобств другому), 3) постулат одобрения (своди к минимуму отрицательную оценку других, стремись к максимально положительной оценке других), 4) постулат скромности (минимально хвали себя, максимально порицай себя), 5) постулат согласия (своди к минимуму разногласие между собой и другим, стремись к максимальному согласию между собой и другими), 6) постулат симпатии (своди к минимуму антипатию между собой и другим, стремись к максимальной симпатии между собой и другим) (Leech, 1983: 132).

Р. Лакофф дополняет эти принципы более общими исходными принципами рациональности и блага (исходи из того, что в общении участвуют разумные люди и что они не стремятся нанести друг другу вред) (Lakoff, 1983: 308). Принципы и постулат общения носят разнородный характер, включают как этические нормы, модели языкового поведения: «старайся говорить идиоматично» (Searle, 1975: 76), «придерживайся одного способа ведения беседы, одного жанра», «говори согласно норме и как принято», «избегай штампов» и др. [Шмелева, 1983: 76]. В основе коммуникативных постулатов лежит здравый смысл.

Отмечается (Карасик, 2005), что нарушения коммуникативных постулатов делают общение невозможным. Англичане говорят: «Don't use a 14-letter word to your child and a 4-letter word to your mother-in-law». Длинные слова в английском языке, как правило, являются книжной лексикой и поэтому неуместны в разговоре с детьми, а выражение «четырёхбуквенное слово» эвфемистически указывает на ругательство.

Нарушение постулатов общения

Но в ряде случаев постулаты общения **нарушаются** намеренно: 1. в силу противоречивости самих постулатов; 2. так как вызваны коммуникативными манипуляциями, т. е. поводами, цель которых — поставить партнера по общению в неудобное положение; 3. когда общение носит особый характер. **Нарушение** постулатов общения преследует особые цели воздействия на адресата. На этом правиле построены стилистические приемы, а также приемы, выходящие за пределы стилистики и риторики. Нарушения коммуникативных постулатов в естественной речи несут дополнительную нагрузку, связанную с уточнением статусов отправителя и получателя речи. Так, нарушение постулата количества в сторону недостаточной либо избыточной информативности имеет дополнительный прагматический смысл, который можно истолковать следующим образом: 1) я говорю тебе общеизвестную истину, поскольку считаю, что имею право поучать. 2) я говорю тебе о том, что для тебя непонятно, чтобы подчеркнуть свое превосходство.

Известно, что в современной английской речи пословицы часто употребляются иронически, чтобы избежать назидательного тона, либо пародируются: **Early to rise and early to bed makes men healthy, wealthy and dead.** (В оригинале — healthy, wealthy and wise). Нарушение постулата

качества — «Не лги!» — также может быть двуплановым, в сторону недостаточной либо избыточной искренности. Неискренность и недостаточная искренность свидетельствуют об отрицательном отношении говорящего к адресату. Избыточная искренность, претендующая на интимизацию общения, раскрывает стремление говорящего войти в круг людей, близких адресату, не имея на это объективных оснований. Одним из показателей избыточной искренности служит употребление сниженной лексики, сленга, жаргона. Неслучайно иностранцам не рекомендуется употреблять жаргонные слова и вульгаризмы: эта сфера языка зарезервирована только для «своих».

Классы статусных отношений коммуникантов vs классы речевых актов

Статусный признак по природе своей есть величина социолингвистическая, стратификационная, и поэтому данный признак преломляется в различных ситуативных характеристиках речи. Эти характеристики неравноценны в плане экспликации статусного признака. К первичным статусным признакам относятся характеристики говорящего и адресата, ко вторичным — все остальные ситуативные признаки.

С точки зрения **статусных отношений** коммуникантов, речевые акты могут быть разделены на два класса: статусно-маркированные (инъюнктивы (приказы, требования), реквестивы (просьбы, мольбы), инструктивы (предписания, запреты) и др.) и статусно-нейтральные (констативы (утверждения), нарративы (повествования), дескриптивы (описания)).

Статусно-маркированные: речевые акты могут быть далее разделены на статусно-фиксированные (директивы, реквестивы, пермиссивы) и статусно-лабильные речевые акты (речевые акты с переменным статусным вектором, т.е. те акты, в которых статусный вектор зависит от ситуации общения (вокативы, комиссивы, экспрессивы), комплименты).

Статусно-фиксированные речевые акты (в зависимости от статусного вектора): речевые акты с нисходящим и восходящим статусным вектором говорящего (адресанта)(директивы и реквестивы).

В основу предложенной **классификации** положено три критерия: 1) маркированность статуса, 2) фиксированность статуса, 3) вектор статуса. Первый критерий позволяет выделить статусно-маркированные речевые акты, второй и третий критерий дают возможность провести их классификацию на основании статуса участников.

Приведенная классификация многократно усложняется с учетом косвенных или транспонированных речевых актов, например, приказ в виде просьбы, упрек в виде благодарности и т.д. Транспонированные речевые акты представляют собой распространенные этикетно-закрепленные формы общения (Гурочкина, Давыдова, 1990: 48).

Чрезвычайные обстоятельства общения или перевод общения в экстремальный эмоциональный режим нейтрализуют статусные различия (Grayshon, 1977: 73; Почепцов (мл.), 1987: 50). В чрезвычайных

обстоятельствах устанавливается нестандартная иерархия участников общения.

11. Перлокутивный аспект статусных отношений в дискурсе

Социальный статус человека непосредственно связан с использованием языка как средства воздействия. Речь идет о перлокутивном аспекте статусных отношений в языке. **Механика перлокутивного акта** сложна и включает а) агента, б) объект, в) способ совершения, г) орудие совершения, д) факторы совершения. «В роли факторов превращении аспектов речевого акта в орудие совершения перлокутивного акта выступают культурные универсалии» (О.Г. Почепцов, 1986: 59). Воздействие распространяется на ценностную сферу личности, а статус человека является ценностной категорией.

Выделяются **три типа речевого воздействия**: 1) изменение отношения субъекта к объекту, изменение коннотативного значения объекта для субъекта: выражается в призывах, лозунгах, рекламе, 2) формирование общего эмоционального настроения коммуниканта (выражается в манипулировании); 3) перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий, проявляющихся в классификации, формах упорядочивания объектов, событий окружающей предметной и социальной действительности (выражается в научных дискуссиях) (Петренко, 1990). Отметим, что приведенная типология в полной мере применима к изменению статусного самосознания человека как объекта воздействия. Вместе с тем в рассматриваемой типологии не вполне четко определена перестройка категориальной структуры на уровне обыденного сознания: такое воздействие происходит не только посредством научных и методологических текстов, но и в результате изменения стиля жизни определенных общественных групп (Карасик, 2002: 117).

Воздействие на человека прямо и косвенно связано с контролем поведения человека. **Контроль** — центральное понятие социологии в интерпретации Дж. Гиббса — определяется как поведение человека, влияющее на желательные изменения в объекте, одушевленном и неодушевленном, наблюдаемом и ненаблюдаемом. Контроль над человеческим поведением может быть внутренним (самоконтроль) и внешним, внешний контроль бывает непосредственным (приказ и просьба), последовательным (цепочка команд в армии) и социальным (включающим третье лицо); социальный контроль в свою очередь подразделяется на подтипы, различающиеся по степени вовлеченности третьего лица, по способу воздействия на него, а также по способности самого контролирующего выполнить контролируемое действие (Gibbs, 1989: 52-59).

Воздействие может быть намеренным (интенциональным) и ненамеренным (неинтенциональным). Интенциональное воздействие осуществляется четырьмя способами: 1) посредством авторитета, законной власти, носителя институционального более высокого статуса, 2)

посредством манипуляции, т. е. маскируемой власти, 3) посредством убеждения, аргументации, 4) посредством силы, физической и психической (Kramarae et al., 1984: 11).

Манипуляция как способ воздействия активно используется в политике, в пропаганде и в обыденном общении; и направлена на сохранение или изменение статусно-ролевых норм. В основе манипуляций лежит интенция понижения статуса либо адресата, либо третьего лица, сравниваемого с адресатом.

Стратегии терапевтического воздействия направлены на нейтрализацию статусных различий между участниками общения и создание тональности дружеского общения, атмосферы солидарности, способствующей восстановлению психического равновесия пациента.

Воздействие на человека представляет собой комплексное влияние на его эмоциональную и рациональную сферу, на сферу знания и поведения. Можно выделить три типа воздействия — на культурологическом, социальном и психологическом уровне. Воздействие на культурологическом уровне осуществляется всем контекстом культуры, в котором находится человек, в том числе — системой значений слов в языке. Воздействие на социальном уровне представляет собой влияние на человека как представителя той или иной общности, группы и осуществляется целенаправленным выбором средств воздействия — авторитетом, манипуляциями, аргументацией, силой. Воздействие на психологическом уровне представляет собой личностное, индивидуальное влияние на человека и осуществляется как **эмпатия** ((от греч. *empathia* — сопереживание) — категория современной психологии, означающая способность человека представить себя на месте другого человека, понять чувства, желания, идеи и действия, постижение эмоционального состояния, проникновение-вчувствование в переживания другого человека. Эмпатия (от англ. *empathy* — сочувствие, сопереживание, умение поставить себя на место другого, проникновение в субъективный мир другого) — когнитивная осведомленность и понимание эмоций и чувств, способность эмоционально отзываться на переживания других людей. Термин "Э." введен Э. Титченером.) и переход в область личностных смыслов. Типы воздействия не являются рядоположенными, предметом воздействия всегда является личность, речь идет о социально-психологическом воздействии, которое реализуется только в контексте речевой культуры.